

ности, целостную картину воздействия религиозных, этических, философских, обрядовых и т. п. взглядов буддизма и средневекового индуизма на формирование сингалского мировоззренческого комплекса. Представляется также необходимым на следующем этапе работы расширить сферу сопоставительного (особенно обрядового) материала других культурных традиций Южной и Юго-Восточной Азии, что позволило бы ярче выявить своеобразие духовного наследия сингалов и выявить его типологические параллели с широким культурным ареалом. Более пристального рассмотрения заслуживает проблема культурного синтеза местных традиций и традиций дравидского Юга, являющегося особым регионом, магико-религиозная практика которого сохраняет ряд уникальных архаических черт.

С. Л. Невелова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

P. Henley. The Panare. Tradition and Change on the Amazonian Frontier. New Haven — London: Yale University Press, 1982. 263 p.

Книга П. Хенлея «Панаре. Традиции и изменения на амазонской границе» посвящена исследованию современного положения индейцев панаре, живущих в штате Боливар в Венесуэле. Панаре — самоназвание племени, а название не вполне ясного происхождения, под которым эти индейцы известны местному неиндейскому населению (креолам, по терминологии П. Хенлея), а также в этнографической литературе. Сами панаре называют себя эньёпа, но так же они называют и соседние племена, за исключением одного из них — хоти. Основное различие панаре проводят между индейскими группами эньёпа и неиндейцами тато.

Подзаголовок книги — «Традиции и изменения на амазонской границе» — поначалу озадачивает, так как из приложенной к книге карты ясно, что панаре расселены в районе, ограниченном с запада и севера р. Ориноко, там, где эта река делает изгиб, меняя свой курс с северо-западного на северо-восточный. Но по мере знакомства с книгой становится ясно, что автор в подзаголовке имел в виду не границу между бассейнами Ориноко и Амазонки, от которой селения панаре расположены довольно далеко к северу, а границы между административными единицами Венесуэлы — штатом Боливар и федеральной территорией Амазонас. Общая площадь, на которой разбросаны селения панаре, достигает 20 тыс. км², но фактически панаре осваивают лишь небольшую часть этой территории, так как живут чересполосно с креолами. Численность последних достигает в этом районе почти 100 тыс. человек по сравнению с 1700 панаре, живших в середине 70-х годов в 38 селениях. В настоящее время большинство их расположено не более чем в полудне ходьбы от креольских поселков и городков, а некоторые из индейских селений отстоят лишь на несколько сотен метров от жилищ пейндейского населения. И несмотря на такое близкое соседство и на контакты, длящиеся по меньшей мере полтора столетия, а в некоторых случаях, возможно, еще более продолжительные, уходящие в глубь колониальной эпохи в истории Венесуэлы, панаре в значительной степени сохранили свои социальные и культурные традиции, отличающие их от местного неиндейского населения. Спротивление панаре аккультурации поражало всех посещавших их исследователей — И. Вилберта, Ж. Дюмона, М. Вильялон. Произвело оно большое впечатление и на автора рецензируемой книги, и он поставил перед собой цель — объяснить причины стойкости этих индейцев к воздействию цивилизации. Такова, по его собственным словам, главная цель его работы (с. XIV—XV).

Чтобы достичь этой цели, автор, сообщив читателю общие сведения о панаре, обращается затем к исследованию различных аспектов жизни и среды обитания этой группы индейцев. В отдельных главах книги рассматриваются экологическая обстановка района и хозяйство панаре, их экономика, семейно-брачные отношения, социальные силы, скрепляющие их общество. Особое внимание П. Хенлей уделяет характеристике и динамике взаимоотношений между индейским и неиндейским населением. Этому посвящены три главы книги. В них исследуются особенности не только общества панаре, но и креольского, так как автор исходит из совершенно правильного положения, что характер и результаты контактов между индейским и креольским обществом определяются экономическими интересами последнего и, не изучив их специфику в той или иной зоне контакта, нельзя понять, почему одни индейские группы быстро исчезают в процессе внутренней колонизации, другие же сохраняют значительную стойкость перед лицом разнообразных внешних влияний.

Кроме восьми основных глав книга включает четыре приложения, в которых дается транскрипция неанглийских (испанских, панаре и латинских) слов, поясняются избранные автором методы организации демографических данных при составлении таблиц населения, приводятся термины родства панаре и даются краткие сведения об истории индейского законодательства в Венесуэле. Книга снабжена также хорошим справочным аппаратом: обширной библиографией, именным и предметным указателями. Заметим, однако, что не все названия глав кажутся нам удачными. Так, если судить по заголовкам, главы 1-я — «Прошлое и настоящее», 7-я — «Недавнее развитие» и 8-я — «Настоящее и будущее» в каких-то своих разделах дублируют друг

друга. Однако при чтении названных глав такое впечатление рассеивается. Неоднократное возвращение автора к основным для него идеям и положениям, таким, например, как мысль о большой роли для общества панаре присущего им сочетания посемейного производства пищи с общинным ее распределением или, скажем, о значении общинной эндогамии для сохранения этнической общности этого племени, нельзя считать дублированием. Такая форма изложения позволяет автору лучше обосновать и развить свои взгляды на причины сохранения панаре своего этноса, несмотря на различные внешние воздействия со стороны креольского общества.

Как подчеркивает сам П. Хенлей, его взгляды формировались под влиянием известного бразильского этнографа и социолога Д. Рибейро, автора таких капитальных исследований о взаимоотношениях между индейскими группами и капиталистическим обществом в Бразилии в XX в., как «Индийские языки и культуры Бразилии» (Рио-де-Жанейро, 1957), «Индийцы и цивилизация: интеграция индейского населения в современной Бразилии» (Рио-де-Жанейро, 1970).

В этих и других работах Д. Рибейро развивается мысль, что судьбы коренного населения Южной Америки определяются не хозяйственными и культурными особенностями индейских групп, а экономическими интересами того авангарда капиталистической колонизации, с которым они оказываются в контакте. Д. Рибейро различает собирательский, скотоводческий и земледельческий «фронты» колонизации, деятельность каждого из которых имеет различные последствия для индейских групп. Так, например, скотоводы стремятся очистить осваиваемую ими территорию от индейцев, не останавливаясь перед уничтожением последних. Другой тезис Д. Рибейро сводится к тому, что ни одна из индейских групп Бразилии не ассимилировалась. Десятки их физически исчезли за первую половину XX в., другие, видимо, разделят их судьбу в ближайшем будущем.

П. Хенлей стремится применить подход Д. Рибейро к отношениям между индейскими группами и капиталистическим обществом к панаре. В ходе этой работы он приходит к выводу, что концепция Д. Рибейро, будучи верной в основном, несколько упрощает картину взаимоотношений между индейскими группами и «фронтами» капиталистического общества. В действительности, по мнению П. Хенлея, результаты этих контактов могут быть не столь однозначны, как это представляется Д. Рибейро. В частности, даже скотоводческий «фронт» не ведет неизбежно к уничтожению коренного населения. При определенных условиях между скотоводами-креолами и индейцами могут сложиться мирные отношения без сколько-нибудь значительной конкуренции за землю и без уничтожения индейцев креолами-скотоводами. При рассмотрении соответствующих разделов книги П. Хенлея мы подробнее коснемся этого вопроса. Чтобы закончить с рассмотрением теоретических позиций, с которых П. Хенлей изучал общество панаре, отметим, что, по его собственным словам (и это чувствуется в книге), ему близка эмпирическая традиция в британской этнографии, которую он противопоставляет чуждому ему структурному методу (с. XVII). Поясняя свою мысль, П. Хенлей подчеркивает, что его интересует изучение реальностей жизни (экономика, межэтнические отношения), а не изучение культуры лишь как средства выявить отраженные в ней категории мышления.

Книга основана на обширном и тщательно систематизированном фактическом материале об индейцах панаре и их соседях-креолах, собранном за 12 мес. полевых исследований в 1975—1976 гг., а также на, по-видимому, исчерпывающем изучении источников и работ предшественников. Полевые исследования очень осложнились тем, что панаре говорят только на своем языке, принадлежащем к карибской языковой семье. Правда, мужчины часто знают небольшое число испанских слов. Но этот словарный запас, будучи достаточен для торговли с креолами, не позволяет вести у панаре исследования, пользуясь испанским языком. Ученому пришлось выучить язык панаре, на котором он и беседовал с информаторами; думается, это обстоятельство в числе других дало ему возможность создать очень емкую в информативном отношении книгу.

В главе 1-й — «Прошлое и настоящее» — сообщается, что панаре впервые упоминаются в этнографической литературе в 1841 г. и что исторические сведения о них крайне скудны; это и вынудило автора ограничиться рассмотрением положения этих индейцев в XX в. В этой же главе даются сведения о расселении панаре и об их материальной культуре, в частности о традиционных общинных жилищах. Автор подчеркивает отсутствие у панаре каких-либо группировок, основанных на генеалогии, имея, очевидно, в виду роды, линиджи и т. д. Единственная социальная группа этих индейцев — община, традиционно занимающая один или два больших дома, составляющих селение. Эти общины состоят из семей, которые П. Хенлей часто именуется очаговыми группами, так как каждая семья в доме имеет свой очаг, вокруг которого она и располагается. Некоторые селения расположены лишь в минутах ходьбы одно от другого. И их жители нередко совместно потребляют пищу. А в жаркое время года, когда панаре живут не в домах, а на открытом воздухе, обитатели соседних селений вперемежку вешают свои гамаки под деревьями. Едят они также вместе. Поэтому П. Хенлей с известным основанием считает общиной не жителей одного селения, а жителей группы соседних домов-селений, расположенных друг от друга не далее чем в полудне пути пешком. Отдельные семьи в пределах таких общин довольно часто переселяются из одного общинного дома в другой. Обычно община включает

¹ *Ribeiro D. Linguas e culturas indigenas do Brasil. Rio de Janeiro, 1957; idem. Os indios e a civilização: a integração das populações indigenas no Brasil moderno. Rio de Janeiro, 1970.*

в свой состав жителей одного или двух домов-селений; имеется одна община, в которую входят обитатели 10 домов-селений, всего около 230 человек.

Как уже говорилось, каждая очаговая группа, состоящая из мужа и жены или вдовы и неженатого сына, является основной производственной ячейкой общества панаре, но пища, добытая ей посредством земледелия, охоты и рыболовства, в основном идет в общий котел, потребляясь на двух ежедневных общинных трапезах. Учитывая это, нам кажется неоправданным говорить об атомизме общества панаре, как это делает П. Хенлей. Заметим кстати, что сочетание индивидуального по преимуществу производства с коллективным потреблением характерно для многих племен Амазоно-Оринококской области, например для кубео Колумбии, уитото Перу. Но в отличие от названных и других индейских групп, коллективные трапезы у панаре прекращаются в периоды нехватки пищи, когда каждая малая семья потребляет свои пищевые припасы.

В главе 2-й — «Экология и средства существования» — наиболее интересной нам показалась описанная и проанализированная П. Хенлеем дилемма, стоящая перед панаре в XX в.: жить в горах, где более обильны и разнообразны природные, преимущественно пищевые ресурсы, или на равнине, поближе к поселениям креолов, к источнику фабричных товаров. До последних двух десятилетий выбор делался в пользу гор, что помимо лучшей экологической обстановки избавляло панаре от конкуренции за землю с креолами, которые и жили, и занимались земледелием, скотоводством только на равнине. В последнее время почти все общины панаре переселились на равнину. Это переселение имело несколько отрицательных связанных между собой результатов, которые анализируются П. Хенлеем не только во 2-й, но и в 3-й, посвященной экономическим отношениям, главе. Переход на равнину ухудшил питание панаре, стали чаще повторяться периоды, когда пищи не хватало. А в такие периоды, как уже отмечалось, общины прекращаются коллективные трапезы. Каждая очаговая группа стремится сохранить для себя произведенную или добытую ею пищу. Отказ от коллективных трапез подрывает социальную солидарность членов общины, важным фактором поддержания которой они являются. В той же 3-й главе обращается внимание и на то, что панаре, поселяясь недалеко от креолов, начинают продавать им значительную часть своей сельскохозяйственной продукции. Это становится для очаговых групп дополнительным стимулом не давать имеющуюся у них пищу для общих трапез. Чтобы избежать неодобрения соседей по «большому дому» за такое поведение, отдельные очаговые группы, т. е. элементарные семьи, покидают общинное жилище и строят поблизости от креольских поселений небольшие хижинки на одну или две семьи. Так переселение на равнину в последние 10—15 лет разрушает общины панаре. Оно же создает предпосылки для возникновения земельных конфликтов между индейским и неиндейским населением. Несколько таких конфликтов, правда, локальных и не имевших таких серьезных последствий, какими, например, сопровождаются подобные конфликты в бразильской Амазонии, уже имели место в области расселения панаре. В последней главе книги, посвященной будущему этих индейцев, П. Хенлей справедливо замечает, что только наделение общин панаре в законодательном порядке земель может предупредить более серьезные столкновения их с креолами на этой почве.

В предшествующем изложении мы, чтобы избежать повторений, проследили одну из тем книги не только по 2-й и 3-й главе, а и по последующим. Также в нескольких главах рецензируемой книги показывается, почему возрастающая экономическая интеграция с креолами не привела к социальной и этнической интеграции. Напротив, существовавшие и прежде четкие социальные и этнические границы между этими двумя группами населения штата Боливар стали в последнее время еще жестче. Если еще несколько десятилетий назад между креолами и панаре существовали сравнительно добрососедские отношения и первые часто являлись крестными отцами (компадре) у вторых, то затем с увеличением экономической активности креолов, возникновением земельных споров социальные контакты между индейцами и неиндейцами ухудшаются, возрастают взаимное недоверие и недоброжелательство. Креольское общество готово предложить панаре роль низшего слоя поденных рабочих, но это не привлекает самих индейцев. Они в прошлом не работали на креолов, а только торговали с ними, не хотят этого делать и теперь.

Существенную роль в сохранении этнической общности панаре играют их брачные обычаи, предписывающие заключать браки только с родственниками, желательно с кросс-кузенами. Если есть такая возможность, брачные связи из поколения в поколение поддерживаются между парами семей. При выборе из числа нескольких возможных брачных партнеров предпочтительными считаются союзы между людьми, живущими близко друг от друга, конкретно между членами одной общины или соседних общин. Склонность панаре к эндогамии препятствует их смешению с креолами. Со своей стороны креолы не допускают и мысли о браке с панаре, ссылаясь на то, что женщины панаре «грязные» и не умеют готовить. То, что П. Хенлей пишет о роли брачных обычаев в сохранении общности панаре, в известной мере противоречит приводимым им высказываниям Д. Рибейро о том, что результаты контакта индейцев с капиталистическим обществом определяются не спецификой культуры аборигенов, а только экономическими факторами. Не умаляя влияния последних, нельзя сбрасывать со счета (по существу, автор этого и не делает) особенности культуры и социальной организации различных индейских групп.

Итак, из исследования П. Хенлея явствует, что панаре могли длительное время сохраняться в области, где креолов в десятки раз больше чем индейцев, так как благодаря специфике местных условий креолы не были заинтересованы в присвоении труда, земли и женщин панаре. Земля индейцев была в горах, труд панаре не требо-

вався мелким земледельцам и скотоводам, из которых состояло креольское население района. Женщины у креолов были свои, так как они давно поселились в этих местах, а не приехали временно на заработки, как, например, сборщики каучука в годы каучукового бума в Бразилии. Теперь эти благоприятные для сохранения панаре условия постепенно уходят в прошлое. С переселением панаре на равнину, с одной стороны, и экономическим освоением района крупным капиталом и государством — с другой (развитием крупного скотоводства, открытием и предстоящим освоением залежей бокситов на юге территории панаре и т. д.), возникла и стала нарастать конкуренция за землю (с. 210). Увеличение товарного производства среди панаре стало разрушать общину. Молодежь не всегда уже соблюдает теперь и скреплявшие социальную и этническую общность панаре брачные обычаи, хотя межэтнических браков по-прежнему нет, а внебрачные связи креолов и панаре очень редки. Угроза будущему панаре нарастает. Сохраниться в качестве этнического меньшинства они, по мнению П. Хенлея, смогут только в том случае, если законодательным путем им будут обеспечены необходимые материальные ресурсы, прежде всего земля, но пока на это можно только надеяться. Этими словами заканчивается рецензируемая книга. Мы коснулись только нескольких, наиболее общих из рассматриваемых в ней тем. В монографии П. Хенлея много нового и по более частным вопросам этнографии панаре. Думается, что книга будет полезна не только американцам, но и специалистам в области межэтнических отношений и историкам первобытного общества.

Л. А. Файнберг

In Honour of Eyak. The Art of Anna Nelson Harry/Ed. Krauss Michael E. Fairbanks: University of Alaska, 1982. 157 p., ill.

Книги, на обложке которых стоят слова *in honouir* (с английского это переводится как «в честь» или «в память»), обычно посвящаются выдающимся ученым, положившим начало новым направлениям в науке. В данном же случае книга посвящена памяти народа, исчезнувшего в последние годы буквально на наших глазах. И память последней его представительницы — Анны Нельсон Гарри, сумевшей, несмотря на свою скромную роль этнографического и фольклорного информанта, донести до мира язык и культуру своих соплеменников, индейцев ияк, обитавших на южном побережье Аляски.

Ияки всегда были настолько немногочисленны, что долгое время их существование оставалось просто незамеченным. Во времена Русской Америки их стали называть угалемютами, или угаленцами, воспользовавшись для этого эскимосско-чугачским словом *уналагмиют*, что значит «восточные». После продажи Аляски о них снова забыли и заново «открыли» только в 1930 г., во время знаменитой экспедиции К. Биркет-Смита и Ф. де Лагуны к якутатским тлинкитам. С тех пор они известны в этнографической литературе под своим нынешним названием (оно восходит к эскимосскому наименованию бывшего индейского поселка Ияк), которое стало также и самоназванием на заключительном этапе их этнического существования.

Казалось бы, незначительное племя, более или менее естественно угасшее в эпоху стремительного вхождения Аляски в XX в., — что может в нем быть особенно интересного? Ответ на такой довольно обычный в устах «широкого читателя» вопрос содержится в книге, которую собрал, отредактировал, снабдил обширным комментарием и предисловием, практически, можно сказать, написал Майкл Краусс, лингвист, этнограф, фольклорист, многие годы возглавляющий Центр по изучению туземных языков Аляски при Аляскинском университете в Фэрбенксе. Он же был и последним исследователем иякского наследия.

По существу книга представляет собой публикацию иякских фольклорных текстов, наговоренных и напетых Анной Нельсон Гарри. Издание это имеет большое значение для лингвистов и фольклористов. Прекрасно дополняются напечатанные тексты двумя приданными книге магнитофонными кассетами с записью живого голоса пожилой индианки. Впервые, насколько мне известно, читатель может, знакомясь с экзотическим языком по такого рода публикации, услышать и сами звуки в их неповторимом звучании.

Для этнографа же не менее (если не более), чем сами тексты, интересен раздел, скромно названный автором «Введение». Начинается он следующими словами: «Анна Нельсон Гарри была самой последней из целого народа — ияков. Кончина ее преисполнена значения для всего человечества. Ее долгая тяжелая жизнь совпала с трагической заключительной главой живой истории ее народа... Дух ее языка и ее народа живет в ее творчестве. Ияки никогда не насчитывали более пятисот человек. Но если мы остановимся и прислушаемся, то увидим, что искусство Анны учит нас тому, что дух ияков был столь же могуч, как у любого другого народа, и что мы можем многому научиться, внимая мудрости даже самого маленького и беспомощного из племен» (с. 11).

После этого программно вступления М. Краусс переходит к изложению истории ияков. С момента их первого контакта с русскими в начале XIX в. они жили на небольшой полосе побережья залива Аляска от Кордовы до Якутата. Центром их территории было устье р. Коппер. В древности, как можно полагать, предки ияков обитали в глубинных районах Аляски. Уже в конце XVIII в. их начали с юга-востока оттеснять тлинкиты, так что им пришлось продвигаться на земли, ранее населенные чугачами, возле современного поселка Кордова. Значительная часть ияков уже к концу XIX в. была ассимилирована тлинкитами. Заключительная глава их истории началась в 1889 г., когда на землях ияков была основана рыбоконсервная фабрика. Около полутора сот человек,